

Г.Н. МОТОВА, заместитель директора Национального центра общественно-профессиональной аккредитации, главный редактор журнала «Аккредитация в образовании», доктор педагогических наук

Весна, как всегда, насыщена международными событиями. Но этот год особый. Одно из центральных событий мая – очередная встреча министров образования в рамках Болонского процесса в Ереване (Армения). Особый еще и потому, что европейской инициативе по созданию единого образовательного пространства исполнилось пятнадцать лет – своеобразный юбилей, к празднованию которого можно подвести некоторые итоги и скорректировать планы на будущее.

Почему Россия не вписывается в европейскую архитектуру качества

Дом, который построил... Болонский процесс

В 2010 году на юбилейной встрече в Левене (Бельгия) министры объявили в совместной декларации о создании единого европейского пространства высшего образования. И уже тогда было очевидно, что Россия в этом пространстве и территориально, и по степени исполнения взятых на себя обязательств находится на обочине Болонского процесса. По двум направлениям развития – внедрению двухуровневой системы обучения и созданию национальной структуры квалификаций – страна получила «красные карточки», а по сумме всех показателей находилась далеко в хвосте списка из 47 европейских стран.

К следующей встрече министров, в 2012 году, Россия могла быть представлена несколько лучше [12] – по крайней мере, по первому показателю, – поскольку, начиная с 2011 года, массово перешла на подготовку бакалавров и магистров. Но сравнивать оказалось нечего: это была практически единственная страна из всех участников Болонского процесса, которая не представила Национальный отчет по выполнению интеграционных обязательств [13].

С 2011 года к настоящему времени в России в определенной степени адаптированы и введены в массовом порядке так называемые «инструменты прозрачности» (трехуров-

невая структура подготовки, включая аспирантуру, зачетные единицы трудоемкости, европейское приложение к диплому), обеспечивающие интеграцию структуры высшего образования. Вводятся международные совместные программы и программы двойных дипломов с целью интеграции самого содержания подготовки студентов. Но не сделан (и в законодательстве не предусмотрен) следующий шаг: интеграция процедур гарантии качества образования через введение Европейских стандартов и рекомендаций для гарантии качества в высшем образовании (ESG) на уровне отдельных вузов и на уровне страны. А также не создана инфраструктура по гарантии качества в соответствии с ESG. Подготовка законопроектов и нормативных документов в сфере гарантии качества осуществляется без учета принципов и рекомендаций европейских органов по интеграции европейского образовательного пространства и без анализа практики стран-участниц Болонского процесса.

Для встречи министров в Ереване Национальный отчет России был подготовлен. Но, сравнивая ситуацию настоящего времени с проблемами пятилетней давности, стали понятны два факта: во-первых, за пять лет в стране действительно многое изменилось в системе высшего образования, и, во-вторых, эти изменения происходят далеко

не в логике Болонского процесса. По крайней мере, в области гарантии качества высшего образования (аккредитации) стали проявляться тенденции, совершенно противоположные европейским.

Прежде всего необходимо отметить, что гарантия качества является ключевым приоритетом в рамках Болонского процесса, от которого зависят все остальные направления интеграции высшего образования в Европе: признание дипломов и квалификаций, мобильность студентов и преподавателей и межинституциональное сотрудничество, доверие к качеству высшего образования в каждой отдельной стране и в европейском образовательном пространстве в целом.

За пятнадцать лет Болонского процесса в Европе сформировалась особая архитектура качества образования, включающая четыре основных уровня (институциональный – национальный – инфраструктурный – европейский), которые основаны на ряде принципов.

Институциональный уровень. Вузы несут основную ответственность за качество образования и гарантию качества. В вузе должна быть создана система качества по стандартам ESG (часть 1).

Национальный уровень. Должны разрабатываться внешние системы гарантии качества (аккредитация, сертификация, аудит и прочие), с помощью которых вузы могли бы продемонстрировать качество своей работы. Внешние системы гарантии качества формируются на основе ESG (часть 2).

Инфраструктурный уровень. Агентства гарантии качества (аккредитационные агентства) должны быть независимы как от органов управления образованием, так и от вузов. На их деятельность не должны влиять третьи стороны. Национальные аккредитационные агентства раз в пять лет сами проходят международную экспертизу в Европейской ассоциации гарантии качества в высшем образовании ENQA по стандартам ESG (часть 3) для включения в Европейский реестр агентств гарантии качества EQAR.

Европейский уровень. Вузы имеют право выбрать для своей аккредитации любое агентство, входящее в EQAR. Результаты такой аккредитации должны признаваться на уровне страны, где находится вуз, и во всех странах-участницах вне зависимости, является ли это агентством национальным или зарубежным.

На этом фундаменте идет строительство буферной зоны, обеспечивающей объективную, прозрачную, независимую оценку качества высшего образования на территории Европы. Образование становится единой «валютой», не требующей конвертации (перезачета курсов, пересдачи экзаменов, демонстрации благонадежности и состоятельности, качества и ответственности). Независимость всей системы обеспечивается множественной зависимостью с привлечением всех европейских структур: правительственных – в лице Еврокомиссии и конференции министров образования и общественных – в лице европейских ассоциаций университетов, учреждений высшего образования, студенческих союзов и союзов профессиональных объединений.

Безусловно, процесс строительства еще далек от завершения. Говорить о «европейской системе высшего образования» можно пока только условно, поскольку каждая страна сохранила свою специфику и образовательного процесса, и оценки качества его результатов. У каждой страны были разные стартовые условия и разная скорость принятия и реализации Болонских соглашений. Но процесс запущен и уже необратим. И эта модель европейской гарантии качества нашла отражение в национальной политике практически всех стран-участниц Болонского процесса. Кроме России.

Смеем предположить, что большей части российской академической общественности эти принципы неизвестны и непонятны. Не удивительно, поскольку, судя по содержанию вновь вводимой законодательной и нормативной базы, они не понятны и руководству системой образования.

С чего начинается качество

Процедуры контроля качества образования в России, лицензирования и государственной аккредитации, а в последние три года еще и мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций, безусловно, являются приоритетами государственной образовательной политики. Принципиальное отличие от европейских подходов не только в «правилах игры», но и в тех структурах, которые эти правила задают, а также в содержании самих оценочных процедур.

Новое законодательство 2011-2012 годов в вопросах гарантии качества образования не только не учитывает европейские стандарты и рекомендации, но во многом противоречит им.

С одной стороны, в законодательстве впервые появилась процедура самообследования и требование к подготовке отчета по самообследованию. Это, очевидно, должно повысить ответственность вуза за результаты своей деятельности, что является ключевым принципом европейских стандартов. Но, в отличие от законодательств и нормативных документов других стран, эта процедура не имеет никакого отношения к аккредитации: отчет должен быть ежегодным по состоянию на 1 апреля текущего года, а не к приезду экспертной комиссии (один раз в пять-шесть лет для анализа динамики развития вуза за прошедший период). И главное – заданная структура отчета не соответствует тем показателям, по которым экспертная комиссия проводит аккредитацию.

Европейские страны тоже в большинстве своем далеко не сразу пришли к пониманию необходимости периодического проведения самообследования и, как следствие, формированию внутривузовских систем гарантии качества и повышению ответственности вуза за качество. Чаще всего эти процессы стимулировали правительственные органы или министерства. Именно поэтому формирование внутренних систем управления и контроля качества в вузе было проблемой, прежде всего, административных структур вуза и не имело отношения к каждому отдельному преподавателю, как и к результатам обучения студентов. Но за пятнадцать лет общих усилий – посредством многочисленных дискуссий в самых разных форматах встреч – сформировались такие принципы культуры качества, как ответственность каждого на каждом рабочем месте за результаты своего труда и четкая ориентация всех направлений деятельности вуза на результаты обучения студентов. Эти принципы стали уже не столько результатом усилий вузовских администраций, сколько расширением международных связей и контактов, совместных проектов и программ обменов между вузами, отдельными коллективами и преподавателями. Наличие эффективной системы гарантии качества в вузе рассматривается как условие доверия к работе вуза.

В 2009 году были определены новые задачи формирования европейского образовательного пространства, которые также нашли отражение в деятельности вузов (и в процедурах самообследования): доступность образования, студентоцентрированный подход, обучение в течение жизни, соответствие национальной (и европейской) структуре квалификаций, оценка результатов обучения и другие.

В России процедура самообследования сводится к ежегодному сбору данных в формате мониторинга деятельности вуза и описания основных направлений его работы, но не имеет прямого отношения ни к результатам обучения, ни к качеству образования как таковому, ни к новым задачам Болонского процесса.

Если целью самообследования (и гарантии качества) в европейских странах является глубокий анализ динамики развития и результатов деятельности вуза за пять-шесть лет на основе SWOT-анализа и внешняя оценка адекватности сделанных вузом выводов, то в России процедуры мониторинга и самообследования являются системой сбора информации, прежде всего, для принятия оперативных (ежегодных) решений. И они не предусматривают последующей внешней оценки достоверности данных.

Кроме того, приходится учитывать и менталитет педагогических коллективов российских вузов. По наблюдениям социологов [10], новые системы менеджмента, внедрявшиеся в последние годы на предприятиях и в организациях, не привели к повышению эффективности. Мы более восточные, иерархия для нас более важна и уважаема, с начальством у нас не принято общаться, тем более спорить. И как бы мы ни декларировали принцип, что в вузе главным является студент, а не администрация, на практике – всё наоборот.

Возможно поэтому повсеместное внедрение в 2000-х годах систем управления качеством на основе ISO, EFQM, TQM носило, скорее, формальный характер для получения сертификата соответствия¹. Но уже к настоящему времени эта «детская болезнь левизны» сходит на нет. Безусловно, наличие системы менеджмента качества в вузе – факт сам по себе позитивный, он позволяет привести в порядок документооборот, но (вот незадача!) к качеству образования отношения не имеет или имеет очень опосредованное.

Европейские вузы очень быстро «переболели» модой на стандарты ISO и при формировании внутривузовских систем качества руководствуются ESG (1 часть). Эти стандарты носят рамочный (не предписывающий) характер. Они предполагают творческий, коллективный, основанный на демократических началах подход к формированию собственной системы качества. Такая система не подлежит внешней сертификации, поскольку не имеет унифицированных критериев для ее оценки – только общие согласованные направления действий. Основной принцип такой системы – быть эффективно работающей и демонстрировать ответственность вуза за качество образования.

В условиях появления все новых видов контроля и его усиления со стороны органов управления образованием не приходится говорить о творческой коллективной деятельности академической общественности. Сегодня вузы находятся в постоянном ожидании очередной проверки надзорных органов. И это никак не мотивирует процессы развития и совершенствования качества.

А судьи кто?

Внешние процедуры гарантии качества в странах Европы имеют свою специфику и проводятся в различных формах [3]: институциональной (вуз в целом), программной (по отдельным программам), кластерной (несколько программ одного профиля), системной (система гарантии качества всех реализуемых в вузе программ). В каждой стране своя

¹ По числу выданных сертификатов на соответствие стандарту ISO 9001 в 2009 году РФ заняла 5-е место в мире – 53152 сертификата, из них в сфере образовательных услуг в 2007 году выдано 14 832 сертификата, в 2008 году – 16 242, в 2009 году – 19 689.

форма оценки качества образования. И технологии («инструменты качества») используются различные: аккредитация (в большинстве стран Европы) или аудит (например, в Великобритании и Финляндии). А также бенчмаркинг (как выделение лучшего опыта и хороших практик) и экселленс (как присвоение знаков качества). Каждая страна и каждое агентство гарантии качества прописывает цели, принципы, формы и методы оценки.

Внешние процедуры контроля и оценки качества в России не поддаются исчислению: лицензионный контроль (плановый и внеплановый), государственный контроль и надзор (плановый и внеплановый), государственная, общественная, профессионально-общественная аккредитация и независимая оценка качества образования. Такого количества процедур нет ни в одной стране. Как ни в одной стране нет двух видов аккредитации – государственной и общественной.

За последние пять лет процедура государственной аккредитации претерпела кардинальные изменения [4]. В течение пятнадцати лет (с 1997 по 2011 годы) она была институциональной – с установлением (подтверждением или изменением) аккредитационного статуса вуза [1]. Теперь по новому законодательству государственная аккредитация проводится в отношении образовательных программ по результатам оценки их содержания и качества требованиям государственных образовательных стандартов. То есть оценивается в деятельности вуза только то, что прописано законодательством (ничего лишнего!). Если европейские стандарты для внешних систем гарантии качества содержат рекомендации четкого разграничения между оценкой соответствия нормативной базе и оценкой качества программ, то российская практика государственной аккредитации ограничивается только первым аспектом.

Новое законодательство в части гарантии качества образования стало источником основных противоречий российской системы государственной аккредитации и европейских соглашений. Во-первых, государственная аккредитация проводится федеральным органом исполнительной власти и прописана в законе как государственная функция. Во-вторых, она проверяет исполнение требований законодательства. При этом отсутствуют требования оценки эффективности внутривузовской системы гарантии качества и динамики развития вуза. Не учитываются такие виды деятельности вуза, как непрерывное образование (обучение в течение всей жизни), принципы и практика признания квалификаций, методы оценки (измерения) результатов обучения и другие. Сама процедура экспертизы

при государственной аккредитации в большей степени ориентирована на проверку вузовской документации, вплоть до личных дел преподавателей, учетных карточек студентов, инвентарных книг по наличию оборудования, что ставит под сомнение саму необходимость создания каких-либо внутренних систем управления качеством и наличие административных структур в вузе, ответственных за документооборот.

Группы экспертов (а не комиссии) формируются из числа представителей вузовской общественности (никого лишнего!). Качество работы экспертов и их квалификация подвергаются резкой критике – как со стороны Рособнадзора, так и со стороны вузов. В отличие от европейских стандартов, в российском законодательстве не прописаны требования к участию в составе членов экспертных комиссий студентов, работодателей, зарубежных экспертов, равно как и требование к участию этих «стейкхолдеров» в определении политики аккредитационного агентства и процедурах принятия решения (хотя в предыдущем законе было упоминание об участии в работе аккредитационной коллегии представителей работодателей и студенчества). Каждый эксперт работает строго в соответствии с прописанным для него в распоряжении Рособнадзора заданием на экспертизу отдельных программ – ни о какой коллегиальности в оценке и принятии решения речи не идет. В таком случае субъективизма не избежать.

Отсутствует требование к публикации полных отчетов по результатам внешней экспертизы, которые должны содержать не только замечания, но и рекомендации, и, соответственно, выявление положительной практики. Отсутствует возможность знакомства вуза с отчетом до принятия решения и возможность подачи апелляции на проведение процедур и аккредитационное решение. Причина в том, что основной задачей экспертов является выявление отклонений от государственного стандарта, а задачей государственной аккредитации – защита от некачественного образования и оптимизация вузовской сети, а не ее развитие.

И можно еще раз констатировать, что процедура государственной аккредитации так, как она прописана в российском законодательстве и реализуется на практике, сегодня не соответствует европейским стандартам. Она больше похожа на процедуру государственного контроля, поскольку и в том, и в другом случае речь идет о контроле соответствия содержания и качества подготовки требованиям ФГОС.

Альтернатива альтернативе рознь

С момента запуска Болонского процесса 22 страны основали национальные агентства по гарантии качества, половина из которых была создана в 2005 году. Не стали создавать аккредитационные агентства 11 стран Европы – по причине небольших объемов высшего образования. Например, Андорра, Лихтенштейн, Люксембург и Мальта. Они инициируют приглашение зарубежных агентств и признают их решения по аккредитации. В некоторых странах – таких как Дания, Португалия и Италия – новые агентства были созданы на базе существующих путем их реорганизации. В Ирландии, Австрии, Франции и Бельгии произошло объединение агентств, а в Молдавии и Украине в настоящее время создаются аккредитационные агентства [11].

Государственная аккредитация в России проводится Рособнадзором. Как государственный орган исполнительной власти по надзору и контролю он, в соответствии со своим функционалом, обеспечивает надзор и контроль. Но не может являться аккредитационным агентством, так

как одним из главных требований к аккредитационному агентству является независимость от органов управления образованием и образовательных организаций. Не может оплачивать членские взносы в зарубежные организации, проходить международные экспертизы своей деятельности и входить в международные реестры. Правда, у него есть самостоятельное структурное подразделение – Росаккредагентство (Национальное аккредитационное агентство в сфере образования), которое может оплачивать и проходить..., но не является независимым ни в процедурных вопросах, ни в принятии решения по аккредитации. Вопрос – не противоречит ли деятельность Росаккредагентства и российскому законодательству² – тоже остается открытым.

Самое время вспомнить о том, что в новом законе об образовании появились отдельные статьи об альтернативных государственным процедурах оценки качества образования: в статье 95 – о независимой оценке качества и в статье 96 – об общественной и профессионально-общественной аккредитации. Однако и эти статьи противоречат европейским принципам оценки качества [7]. Прежде всего в вопросе о добровольности и независимости этих процедур. Независимая оценка качества проводится по инициативе общественных советов, создаваемых при федеральном и региональных министерствах. Именно они будут определять, кого и как следует оценивать [8]. Профессионально-общественную аккредитацию образовательных программ вправе проводить работодатели и их объединения (п. 3, ст. 96). То есть для работодателей она добровольна, а для вузов? И кто сказал, что проводимая ими аккредитация будет объективной и независимой, учитывая наличие конкуренции при трудоустройстве в отдельных отраслях (например, среди юристов или медиков)?!

Аккредитация в европейских странах проводится специально созданными агентствами гарантии качества, а не работодателями и их объединениями [5]. В действующих стандартах ESG нет даже упоминания о них. Работодатели могут привлекаться к экспертизе образовательных программ в числе прочих стейкхолдеров: например, студентов и выпускников. В новой версии ESG, которая будет утверждена на встрече министров в Ереване, появилась рекомендация об участии в составе экспертных комиссий представителей профессионального сообщества (стандарт 2.4.). Но и только! Согласитесь, что представитель профессионального сообщества не всегда может представлять интересы работодателей. Кроме того, отсутствует рекомендация об их участии в работе коллегиального органа, принимающего решение по аккредитации.

Содержит противоречия и само содержание экспертизы. Аккредитация образовательных программ проводится на соответствие академическим стандартам (ESG, часть 1), а не профессиональным (п. 4, ст. 96). Оценка на соответствие профессиональным стандартам не имеет отношения к образовательной среде (скорее, к производственной) и осуществляется в системе сертификации профессиональных квалификаций.

Наконец, ни отдельные работодатели, ни их объединения не будут решать задачи международного сотрудничества в области оценки качества образования и прохождения международной или вообще какой-либо экспертизы своей деятельности.

² Запрещается <...> наделение хозяйствующих субъектов функциями и правами федеральных органов исполнительной власти, в том числе функциями и правами органов государственного контроля и надзора... (Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006, № 135, глава 3, ст.15). См. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163965/?frame=2 © КонсультантПлюс, 1992-2014.

В то же время, в России созданы и действуют агентства по профессионально-общественной аккредитации, в той или иной степени соответствующие европейской и общемировой практике [6]. Есть специализированные организации, которые оценивают программы определенных направлений подготовки. Например, Аккредитационный центр Ассоциации инженерного образования России (с 2002 года) – программы инженерного образования, Аккредитационный центр Ассоциации юристов России (с 2009 года) – программы по юриспруденции. Профессионально-общественная аккредитация проводится в этом случае с учетом российского законодательства, требований работодателей, рынка труда. Два аккредитационных агентства (Национальный центр общественно-профессиональной аккредитации – с 2009 года) [9] и Агентство по контролю качества и развитию карьеры – с 2004 года) используют в своей работе Европейские стандарты и рекомендации для гарантии качества высшего образования (ESG). Результатом такой аккредитации является признание качества образовательных программ или работы учреждения на соответствие установленным независимыми аккредитационными агентствами стандартам, а также рекомендации по улучшению качества работы и совершенствованию качества программ. Профессионально-общественная аккредитация учитывает эффективность системы внутренней оценки качества и системы управления, качество содержания программы, качество преподавательских кадров, учебных ресурсов, процессов оценки студентов, информационной среды вуза и взаимодействие с внешней средой.

В процедурах профессионально-общественной аккредитации, проводимой независимыми агентствами, развивается практика активного привлечения к работе экспертных комиссий, наряду с академической общественностью, зарубежных экспертов, студентов и работодателей.

Аккредитационный центр Ассоциации инженерного образования (АЦ АИОР) получил полноправное членство в международной организации Вашингтонское соглашение в 2012 году. Национальный центр общественно-профессиональной аккредитации (Нацаккредцентр) прошел внешнюю экспертизу ENQA в марте 2014 года и получил полноправное членство сроком на пять лет. Агентство по контролю качества и развитию карьеры (АККОРК) также прошел международную экспертизу ENQA. Однако существующие в России аккредитационные агентства, созданные в рамках законодательства 1992-2012 годов и учитывающие европейские (и мировые) стандарты [2], не вписываются в действующее законодательство.

«Бойтесь данайцев, дары приносящих...»

В марте 2013 года в Европейской ассоциации агентств гарантии качества высшего образования (ENQA) состояло 39 полноправных членов, то есть агентств, признанных на европейском уровне. По сравнению с 31 агентством в 2009 году, это 26 процентов роста за последние три года. Количество стран, зарегистрированных в Европейском реестре агентств гарантии качества (EQAR), выросло с 9 в 2010 году до 32 в 2013-м. До сих пор не имеют членства в ENQA агентства 27 стран, входящих в европейское пространство высшего образования (57 процентов), а 32 страны (68 процентов) – зарегистрированных в EQAR агентств. Но, учитывая, что EQAR был создан в 2008 году, темпы роста количества зарегистрированных агентств впечатляют.

Агентства вступают в реестр, чтобы, в первую очередь, укрепить свою национальную и международную репутацию,

оправдать ожидания правительств или стейкхолдеров и облегчить процедуру по признанию учреждений и программ, прошедших аккредитацию, на европейском уровне. Но, как правило, не для того чтобы добиться доступа к европейскому «рынку» оценки качества, как этого опасались министры образования при создании EQAR. Лишь 43 процента зарегистрированных в реестре агентств по гарантии качества работают за границей, сталкиваясь с множеством препятствий, связанных с национальными различиями и отсутствием общей структуры европейской гарантии качества.

До сих пор далеко не все национальные правительства разрешают агентствам, зарегистрированным в EQAR, действовать в своей системе высшего образования. Происходит это по нескольким причинам. Прежде всего, они боятся потерять контроль над национальной системой высшего образования. Особенно характерно для тех стран, где решения о финансировании программ основываются на результатах процедуры гарантии качества (аккредитации). Они также сомневаются в том, что зарубежные аккредитационные агентства будут принимать во внимание национальные стандарты и критерии качества. Но закрыть границы национальной системы образования для зарубежных аккредитационных агентств уже не получится. Во-первых, потому что решение о создании реестра было принято конференцией министров, во-вторых, сами вузы получили возможность выбора аккредитационного агентства с учетом профиля программ, а также собственных возможностей и амбиций.

Еще одной важной причиной формирования реестра является повсеместное распространение практики реализации совместных образовательных программ с выдачей выпускникам совместных (или двойных) дипломов. Если программа реализуется по единым стандартам в вузах двух и более стран, она может не проходить двойную или множественную аккредитацию. Для совместных программ проводится совместная аккредитация, и результаты ее должны признаваться на всей территории европейского пространства высшего образования.

В настоящее время уже разработаны новые Стандарты по аккредитации совместных программ. И это еще более стимулирует желание аккредитационных агентств войти в «лист» признанных европейских агентств гарантии качества.

Вместе с тем, в действующем российском законодательстве вопросы международного сотрудничества в области гарантии качества образования фактически отсутствуют совсем. Если в области образования и науки (ст. 195) предполагается право вузов на международное сотрудничество, то в области аккредитации есть единственный пункт (п. 1, ст. 96), который прописывает право прохождения вузом

общественной аккредитации в иностранных и международных организациях. Но и это положение не учитывает европейскую практику: зарубежные агентства не аккредитуют вузы в целом, как это прописано в случае общественной аккредитации, а только отдельные программы. А аккредитация программ должна проводиться в форме профессионально-общественной аккредитации работодателями и их объединениями.

Не содержатся в законодательстве и требования к членству национальных аккредитационных агентств в Европейской ассоциации гарантии качества в высшем образовании (ENQA) или вхождения их в Европейский реестр агентств гарантии качества (EQAR), как это прописано в большинстве национальных законодательств стран Европы. Российское законодательство не предусматривает и возможности выбора вузом зарубежного агентства для оценки качества образования и признания его решения вместо государственной аккредитации. В случае прохождения вузом международной аккредитации решения зарубежных агентств гарантии качества в России могут лишь учитываться, но не признаются.

Единственная возможность встроиться в европейскую модель качества и сохранить «национальные особенности» в оценке качества образования – это внести в законодательство нормативно-правовой механизм признания решений национальных и зарубежных агентств гарантии качества, входящих в Европейский реестр агентств гарантии качества (EQAR).

Но это потребует кардинального пересмотра и внесения изменения в закон «Об образовании в Российской Федерации», № 273 двух важных положений. Во-первых, необходимо пересмотреть статью 92 (государственная аккредитация образовательной деятельности) и статью 93 (государственный контроль (надзор) в сфере образования) с целью оптимизации (сокращения числа) процедур регламентации. По характеру процедур и предмету оценки государственная аккредитация фактически дублирует государственный контроль (надзор), следовательно, имеет смысл оставить в разделе государственной регламентации образовательной деятельности только государственный контроль (надзор) в сфере образования. Во-вторых – пересмотреть статью 94 (педагогическая экспертиза), статью 95 (независимая оценка качества образования) и статью 96 (общественная и профессионально-общественная аккредитация) также с целью упорядочения процедур.

Прописать три вида оценки качества: 1) экспертизу (рецензирование) документов (программ, учебников, стандартов и т.п.), 2) оценку образовательных результатов (включая международные сравнительные исследования), 3) аккредитацию образовательных организаций и образовательных программ.

Аккредитация не должна быть государственной или профессионально-общественной, она должна учитывать интересы всех заинтересованных лиц (включая студентов и работодателей) и быть независимой от органов управления, вузов, профессиональных сообществ для обеспечения объективности.

Аккредитация должна быть добровольной, но с механизмами мотивации. Например, учитываться при распределении КЦП, конкурсных заявок на ФЦПРО и прочем.

Необходимо стимулирование процесса европейской интеграции в сфере аккредитации: создание национального реестра аккредитационных агентств, требование вхождения национальных аккредитационных агентств в международные ассоциации агентств (в частности, Европейскую ассоциацию агентств гарантии качества в

высшем образовании, ENQA) и международные реестры агентств (в частности, Европейский реестр агентств гарантии качества, EQAR).

Процессы интеграции (такой, например, как в рамках ВТО) неизбежно рано или поздно откроют границы России не только для зарубежных университетов, но для организаций, проводящих оценку качества российских университетов. Выход в развитии российских университетов до уровня мирового класса и российских аккредитационных агентств – до признанных на международном уровне.

Такие серьезные изменения в законодательстве и технологии аккредитации вполне возможны и выполнимы – было бы желание. Вопрос, который сегодня беспокоит многих: не будет ли препятствием для европейской интеграции и реализации Болонских соглашений в России политическая напряженность между нашей страной и европейскими странами. Возможно, пора интегрироваться с Азией? Но все процессы интеграции, происходящие сегодня в регионах мира, выстраиваются на европейских принципах. Так, например, и Азиатско-Тихоокеанская сеть агентств гарантии качества (APQN) разработала и в ближайшее время утвердит инициативу создания и требования к формированию реестра аккредитационных агентств.

Если Россия не будет учитывать общемировые тенденции развития в сфере гарантии качества образования, она рискует потерять доверие к качеству высшего образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аккредитация высших учебных заведений в России: учебное пособие / Е.Н. Геворкян, Г.Н. Мотова, В.Г. Наводнов, М.В. Петропавловский. – Йошкар-Ола: Марийский государственный технический университет, 2008. – 166 с.
2. Геворкян Е.Н. Болонский процесс и сотрудничество в области обеспечения качества образования: опыт Российской Федерации / Е.Н. Геворкян, Г.Н. Мотова // Вопросы образования. – 2004. – №4. – С. 150-165.
3. Мотова Г.Н. Экспертиза качества образования: европейский подход / Г.Н. Мотова, В.Г. Наводнов. – М.: Национальное аккредитационное агентство в сфере образования, 2008. – 100 с.
4. Мотова Г.Н. Аккредитация: перезагрузка? / Г.Н. Мотова, В.Г. Наводнов // Аккредитация в образовании. – 2010. – №40. – С. 49-51.
5. Мотова Г.Н. Почему Россия прошла аккредитацию / Г.Н. Мотова // Аккредитация в образовании. – 2010. – №42. – С. 28-31.
6. Мотова Г.Н. Кому нужна независимость аккредитационных агентств / Г.Н. Мотова, В.Г. Наводнов // Аккредитация в образовании – 2012. – №57. – С. 12-16.
7. Мотова Г.Н. Аккредитация: шаг вперед и два – назад / Г.Н. Мотова // Аккредитация в образовании – №74. – 2014. – С. 10-15.
8. Мотова Г.Н. Кому достанется флейта? / Г.Н. Мотова // Аккредитация в образовании – 2013. – №66. – С. 14-19.
9. Мотова Г.Н. Новое законодательство в области образования как вектор развития общественно-профессиональной аккредитации в России / Г.Н. Мотова, В.Г. Наводнов // Инженерное образование. – 2013. – №12. – С. 58-65.
10. Никитин А. Работа не work / А. Никитин // Деньги, №8 (1016). – С. 11-14.
11. Input Study to the Report from the European Commission on Progress in the Development of Quality Assurance Systems in the Various Member States and on Cooperation Activities at European Level/ Final Report, Publications Office of the European Union, 2014 – 101 pp.
12. Motova G. Russian Higher Education and European Standards of Quality Assurance / G. Motova, R. Pykkö // European Journal of Education / Special Issue: Russian Higher Education and the Post-Soviet Transition, Volume 47, Issue 1, March 2012, p. 25-36.
13. <http://www.ehea.info/article-details.aspx?ArticleId=86>